

Искусство сосуществования

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА

Тема этой статьи особенно актуальна в наше время, беспокойное, как никогда раньше. Мы видим, как многие разногласия – между нациями, расами, в обществе в целом и между отдельными людьми в частности – вызваны нашей неспособностью принимать точку зрения другого человека просто и честно. Часто мы проявляем мало уважения ко мнению другого человека или того хуже – отвергаем или насмехаемся. В этот век прав и свобод чаще всего мы отстаиваем свое личное право. Возможно, мы думаем, что человек имеет меньше прав на свои взгляды, чем на личное имущество. Мы не понимаем, что он, бедняга, не может отказаться от них, даже если бы захотел.

Возможно, эти рассуждения покажутся вам недостаточно конкретными. Однако проблема, которую они затрагивают, касается каждого, в разной степени, но каждого. Толерантность – добродетель, которая не часто встречается, ведь она свойственна зрелости, а мы пока еще не попрощались с инфантильностью. Внешний лоск нашей современной цивилизации с трудом скрывает страсти и инстинкты, которые в прежние времена проявлялись иначе, вероятно, менее извращенно.

«Другой человек», о точке зрения которого я говорю, может быть представителем другой расы, национальности, принадлежать к другому сообществу; он может быть вашим конкурентом, работодателем или наемным работником; незнакомцем, который едет с вами в одном купе поезда; прохожим, который наступает вам на ногу на улице; шумным соседом, или даже вашим братом или другом. Он везде, и вы повсюду натываетесь на его точку зрения. Сама жизнь, кажется, вынуждает вас понять это. Поэтому полезно мысленно поставить себя на место другого человека и увидеть, как от этого изменится наше мнение. Так можно было бы избежать многих мелких раздоров и быстро уладить не одно разногласие мирным путем. Если мы проявим хоть немного великодушия в спорах, это значительно облегчит нам жизнь.

Чья-либо точка зрения не обязательно верна и может основываться на предубеждении. Наш рассудок, который мы склонны считать непогрешимым, обычно движется по скользкой поверхности наших симпатий и антипатий, а может и скатиться по крутому склону страстей. Сказав: «Это моя точка зрения», мы не говорим последнего слова в подтверждение нашей позиции. Возможно, такому мнению служит опорой

башня нашего самодовольства, и мы не хотим, чтобы нас оттуда сбросили. Если там нет места для кого-то еще, это позволяет нам наслаждаться собственным превосходством в одиночестве. Оттуда другие кажутся карликами. Даже если это не форма самовосхваления, с которого мы смотрим вниз, а убеждение, это не означает, что мы смотрим на все из правильной перспективы и видим все в истинном свете, поскольку мы глядим сквозь пелену предубеждений, порожденных особенностями нашего темперамента, воспитания или обстоятельствами.

Даже если наше убеждение верно, его применение может быть ошибочным. Руководствуясь убеждением, мы вполне можем отстаивать неправду. То, как мы применяем наши принципы в разных обстоятельствах, часто является проверкой наших убеждений на прочность. Очень редко можно встретить человека с настолько ясными представлениями и прочными убеждениями, что все предстает перед ним в свете божественной объективности.

Когда мы страдаем, чувствуем себя уязвленными или переживаем какое-то эмоциональное состояние – совсем недавнее или казавшееся давно забытым, – нам трудно воспринять чью-либо другую точку зрения, кроме нашей собственной. Но и сейчас, в обычных обстоятельствах, можно заметить, что мы бываем недостаточно справедливы к некоторым людям, если не в действиях, то, по крайней мере, в отношении к ним, и все из-за нашего искаженного мнения. Но если мы постараемся научиться смотреть на каждую ситуацию с точки зрения другого человека, помимо нашей собственной, мы избавим себя от многих ненужных переживаний и огорчений, вызванных импульсивным суждением. Золотое правило «Поступай с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой» указывает на способность поставить себя на место другого, а затем решать, как поступать. Находясь в «шкуре» другого, мы вероятнее всего сможем увидеть ситуацию его глазами, желая того же, чего и он.

Точка зрения другого человека может привлекать или отталкивать нас, но если ее искренне придерживается тот, с кем мы должны иметь дело, нам стоит ее рассмотреть. Мнение другого часто пугает нас, ведь оно непривычно и чуждо нам. Но рассмотрев это мнение ближе, мы увидим, что оно опирается, как и наше собственное мнение, на нечто общее для всех людей в мире.

Глупо спорить с чьим-то мнением, не изучив его. Даже если оно бросает тень на нас или наших товарищей, мы можем рассеять его, только

направив свет нашего понимания.

Защищать точку зрения, которую мы называем собственной, означает быть ее узником. Мы заключаем себя в тюрьму собственных мнений в основном из-за отсутствия воображения, а не от того, что нам не хватает доброты от природы. Человек остается человеком, несмотря на всю свою глупость и несдержанность. В нем есть капля непреходящей доброты, но на протяжении жизни мы редко пользуемся этим сокровищем. Но надежда всегда остается, потому что понимание можно развивать, а способность понимать позволяет нам очень точно откликаться на зов другого человека, его потребности и обстоятельства.

На собственном опыте мы должны были убедиться, что росту всегда сопутствуют перемены, ведь, например, когда мы поднимаемся в гору, пейзажи постепенно сменяются и преобразуются. Следовательно, нет причины полагать, что мы должны крепко придерживаться своих нынешних мнений с той преданностью, которую лучше было бы посвящать более благородному делу. В конце концов, почти каждый вопрос можно рассмотреть минимум с двух сторон. Мы живем в многомерном мире, но наше видение часто ограничено. Прежде чем мы сможем достичь полноты понимания, мне кажется, мы должны познать истину в конфликте убеждений. Социализм и индивидуализм, набожность и человеколюбие, свобода и дисциплина и все прочие противоположности, которые люди искренне отстаивают в спорах, должны примириться в истине, которая выше этих противоположностей, но выражается через них.

Точка зрения другого человека может раскрыть нам богатство знания, которого, возможно, лишено наше видение. Из этой позиции человек реагирует на жизнь, и его мировосприятие может иметь качества, которыми мы не обладаем. Шекспир был великим, потому что видел жизнь с разных точек зрения, хотя не все его персонажи были великими.

В точке зрения гения сконцентрирована целая философская схема, или система мысли, с одной стороны представляющая собой завершенность этой системы, а с другой – ее начало. Истина может быть во многих таких точках зрения, так как каждая из них – срез совокупности того, что истинно. Вся сущность или зерно философии содержится часто не столько в идее, конкретной и ограниченной, сколько в точке зрения, имеющей перспективу расширения мысли. Иногда даже простой человек может поделиться с нами своей не книжной истиной, которую мы утратили в наших сложных рассуждениях.

Точка зрения может основываться на отношении или мнении, причем первое важнее второго. Как мне кажется, большая часть наших мнений мало что значат, так как им недостает постоянства. Так или иначе, истина сравнительно быстро одерживает верх над нашими мнениями. Но умонастроение, с которым мы проживаем свою жизнь, сильно влияет на благополучие общества и наше собственное счастье. Если мы будем открытыми и искренними, это пойдет на благо окружающих и нас самих. Но это благо требует понимания, потому что без понимания наши лучшие намерения могут лишь навредить; и такого понимания можно достичь, лишь сочувственно принимая точку зрения другого человека.

Понимание других людей не лишает нас возможности иметь свое собственное мнение. Так же, как признание истины в точке зрения другого человека не отменяет обоснованность нашей позиции. Толерантность следует понимать не как безразличие к неправде, но как понимание ее причины. И мы должны сопереживать человеку, стоящему за точкой зрения. Так мы сможем жить значительно легче, прощая другим их разногласия и различия, не выступая против них лишь потому, что они другие. Позволяя жить другим, мы меньше давим на самих себя.

О нашем веке не раз писали с точки зрения происходящих в нем событий. Основной чертой политической жизни считается развитие демократии. Несмотря на то, что этот принцип подвергался серьезным испытаниям, все же он сумел завоевать большую популярность среди масс, повлияв на мировоззрение людей во всех уголках мира. Однако, для успешного развития демократии, необходимо придерживаться основополагающих принципов. Один из них заключается в том, чтобы каждому человеку, исполняющему свои гражданские обязанности, гарантировать полнейшую свободу, которая не противоречит общественному благосостоянию, дать возможность жить согласно своим убеждениям и делать свой вклад в жизнь государства. Недостаточно только уважать его личность, нужно также дать ему возможность развиваться на протяжении всей жизни, и при этом ценить и признавать его потребность иметь свой оригинальный подход и точку зрения.

Мы должны достичь такого порядка, в котором точка зрения каждого человека, отражающая его опыт, занимала бы достойное место в жизни общества и государства в целом. Точка зрения каждого человека – плод его опыта. Жизнь многому учит, и никто не получает ровно столько же опыта по качеству и количеству, как и его товарищ. Если бы

мир людей не был миром жизни, а проблема общественной гармонии была механической, ее невозможно было бы разрешить, пытаюсь точно сопоставить все ее различные части. Но жизнь – это сила, которая миллионы разнообразных клеток соединяет в единое совершенное целое. Наша социология может быть такой же здоровой, как биология, если мы начнем признавать факты, исходя из природных аксиом. По моему мнению, успех общественной жизни должен измеряться полнотой жизни каждой отдельной личности – вот одна из таких аксиом.

Темперамент, профессия, отношения, обстоятельства – все связано с точкой зрения, из которой человек смотрит на жизнь. Все это обуславливает его мировоззрение. Если бы мы обладали даром проникать в разум другого человека, мы бы увидели многие грани жизни, закрытые для нас сейчас. Так мы поднялись бы на ту вершину, откуда можно обозреть эти новые грани жизни. К несчастью, в большинстве своем мы слишком плохо знаем себя – как свои ограничения, так и способности.

Религия и национальность – особые факторы, которые не только создают различия, но и разъединяют. Эти и другие факторы обогащают жизнь человека и вносят разнообразие. Придет время – и оно действительно уже пришло – чтобы соединить все эти различия в единое целое, сломив всякие материальные барьеры.

Сегодня, когда все в мире связано между собой, а развитие коммуникаций ускоряется наукой и ее изобретениями, мы должны уделить больше внимания и уважения точке зрения другого человека, чем когда-либо раньше. Мир во всем мире в каждом его аспекте – физическом, ментальном и нравственном – и наш прогресс будет возможен, если мы отведем ему достойное место.

Хорхе Анхель Ливрага
КАПЕЛЬКУ ВЕЖЛИВОСТИ, ГОСПОДА!

Этимологически и по смыслу слово «вежливость» (*cortesia*) происходит от древнего *cortes* – «дворы». Это были места, где обычно собирались философы, художники, писатели, политики, экономисты, судьи, врачи, все профессионалы и выдающиеся, достойные люди, которые должны были рассматривать важные вопросы и принимать решения в государстве или королевстве. Согласно Платону, это были объединения людей, которые своими талантами, знаниями и способностями приносили пользу и служили обществу. Именно благодаря этому они несли ответственность за все важные дела в государстве. Слово «государство» на латыни звучало как *res-publica* («общее дело»); отсюда и произошло понятие «республика».

Во всех известных нам культурах и цивилизациях древности существовали, так или иначе, особые формы вежливости во взаимоотношениях между людьми. В так называемом западном средневековье такие отношения формировались в узких кругах дам и рыцарей, а также в рыцарских братствах, где человек начинал свой путь пажом и доходил до высшей его точки – посвящения в рыцари.

К сожалению, со временем многие из этих прекрасных и полезных традиций были забыты и даже полностью разрушены, а на их месте появились искаженные формы, содержащие много фальшивого и искусственного. Именно эти формы дошли до наших дней, внедрились в массовую культуру и стали единственным проявлением вежливости. И поэтому сейчас, особенно среди людей среднего возраста, испытавших на себе все последствия послевоенного времени, вежливость стала отождествляться с неискренностью и фальшью.

Задача философов – спасти от забвения и возродить формы вежливости, которые помогли бы человеку не опускаться до состояния озвещения, уничтожающего все порывы души, и не поддаваться животным инстинктам.

Вежливость – это одно из проявлений благородства и любви. Это признание всеобщего братства, далекого от классовых, этнических, половых, национальных, социальных и экономических различий. Это простой, но благородный способ воплощения ПЕРВОГО ПРИНЦИПА нашей Школы: объединять всех людей независимо от вероисповедания, расовой принадлежности и социальных условий вокруг идеала всемир-

ного Братства.

Делая подарок, каким бы скромным он ни был, мы обычно упаковываем его в множество оберток и перевязываем цветными лентами, чтобы, прежде чем он выполнит непосредственно свое предназначение, дорогой нам человек почувствовал, что мы думали о нем и от всего сердца хотели выразить свои самые теплые чувства. Точно так же любое наше слово или дело должна пронизывать способность отдавать и любить.

Преодолевая грубость, мы не становимся менее мужественными или менее женственными. Наоборот, и мужчина, и женщина, привносящие во всё, что они делают, капельку красоты, любви и вежливости, становятся настоящим рыцарем и настоящей дамой, в высшей степени достойными уважения. Когда мы приветствуем друг друга пожатием руки, объятиями или поцелуем – в зависимости от обстоятельств, – каждый из нас в каком-то смысле становится «актером». Под этим словом нам следует понимать то, что вкладывал в него император Август: актер – это активный и деятельный участник жизни, тот, кто что-то делает по-настоящему. Согласно законам Театра Мистерий, истинный актер – это тот, кто, играя определенную роль, живет ею, становится своим персонажем и таким образом помогает увидеть вещи в новом свете. Своей игрой он привносит в роль нечто свое, глубоко человеческое и благодаря этому украшает вещи и события, облагораживает их и делает более достойными. Он преображает их так, чтобы каждый человек тем или иным образом мог почувствовать свою причастность к ним.

Нам следовало бы сделать усилие и отказаться от любых проявлений гнева, горечи, ненависти и обиды. Такой подход, даже если изначально он лишь внешний, но настойчиво и упорно поддерживается, проникнет глубоко внутрь – так шут из сказок, смеясь и смешая, сам заражается своей радостью, и она становится для него утешением в злоключениях.

Существует очень много религиозных и политических идеологий, которые стали причиной боли, страданий и слез многих людей, даже целых народов. Давайте дадим миру иное – радость, покой, согласие, счастье. Философ, которого могут привести в уныние любые, даже самые банальные, обстоятельства, – не НАСТОЯЩИЙ ФИЛОСОФ. И еще в меньшей степени он является философом, когда выставляет напоказ свои проблемы, плачется о своих несчастьях всем знакомым, тем самым давая лишь очередное доказательство своей слабости и духовной немощи и злоупотребляя добротой других.

Пусть для нас станет привычным давать прежде, чем просить.

Мы должны избегать судить других. Ведь наша способность распознавать и наши критерии оценки слишком искажены предвзятостью наших мыслей и эмоций. Мы должны быть СИЛЬНЫМИ и ВЕРТИКАЛЬНЫМИ.

В мире и так очень много людей, которые много просят, ничего при этом не отдавая. Не стоит становиться одним из них.

И дело не только в деньгах. Пусть наши руки не будут пустыми! Наша сила, доброта и добрая воля должны быть в распоряжении всех. Мы должны много работать. Мы должны учиться, думать и просить судьбу лишь о самом необходимом... Но прежде всего мы должны научиться действовать со всей скромностью нашего сердца и благодаря этому победить в себе все проявления эгоизма. Скромность сердца – это внутреннее качество, которое нельзя путать с внешней разболтанностью и неопрятностью тела и одежды. Будем вежливы! **ДАВАЙТЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ И ПО-НАСТОЯЩЕМУ СОЗДАВАТЬ МИР НОВЫЙ, ЛУЧШИЙ... И ЖИТЬ В НЕМ.**

Делия Стейнберг Гусман
О СОСУЩЕСТВОВАНИИ

(из книги «Философия как образ жизни»)

Тот, кто не умеет жить вместе с другими людьми, точно так же не умеет жить с самим собой. Того, чего ты не можешь достичь с другими, ты не можешь достичь и для самого себя.

Д. С. Гусман

Человеческое единство

Мы убеждены, что души людей имеют одну и ту же природу и что не имеет смысла опираться на различия во внешней форме наших тел. Ведь мы работаем ради развития и проявления души, которая очень часто пребывает в спящем состоянии, которая умеет только сталкиваться с чем-то или любить что-то, когда ее вынуждают к этому обстоятельства.

Науки, религии, искусства и философские системы – все народы на всем протяжении истории развивали эти прекрасные формы своего выражения в том или ином смысле, и их глубокое изучение позволит нам убедиться, что они имеют гораздо больше общего, чем различий.

Доверие побеждает разлад

Слово *unificar* («соединять, объединять») происходит от латинских слов *unus* и *facere* – «делать одно», то есть объединять различные, но связные части и сочетать их таким образом, чтобы достигалось гармоничное и однородное единство. Это акт сближения, соединения, при отсутствии которого каждая из частей или каждый из людей следуют своими путями – что само по себе не плохо, – но при этом оказываются разобщенными, разъединенными и даже противоположными. Без этого усилия по объединению мы жили бы в постоянном хаосе, в котором очень трудно было бы найти смысл существования и смысл отдельных ситуаций.

В самом деле, болезнь, поразившая наше время – и тянущаяся уже довольно долго, – это сепаратизм, раздробление, открытая борьба между лагерями, которые становятся все мельче, так что в конце концов все сводится к борьбе одного человека против другого. Это происходит в сфере политики, культуры, религии, искусства, в обществе и в семье; мы видим это на улицах мегаполисов, и признаки этого уже появляются в маленьких городках. Недоверие царит в душах людей, и это приводит

сначала к невежливости, а потом к грубости, раздражению, отсутствию угрызений совести, неискренности, эгоизму...

Всем нам вместе и каждому в отдельности нужен солидный запас чувства единства. Нам нужно вновь испытать ощущение огромной семьи – человечества, счастье дружбы, взаимное доверие, желание сотрудничать и помогать, способность вновь посмотреть в глаза и увидеть свет истины вместо пугающих теней.

Философская дружба

Нам так недостает ее, и мы хотим ее вернуть – ведь мы знаем, что она никогда не переставала существовать. Философская дружба – это то, в чем заключена любовь к познанию и передаче его от одного человека к другому, то, что преодолевает все испытания времени, то, что создает узы поистине братские, хотя и не предполагает кровных уз.

Поэтому мы и даем ей определение философской, пусть даже и не называем ее так в повседневной жизни. Она философская, потому что в ней есть и любовь, и стремление к познанию. Она помогает двум или более людям узнавать и понимать больше, начиная с самих себя.

Она пробуждает уважение, терпение и постоянство, она прощает, не переставая исправлять ошибки, и побуждает каждого становиться лучше, чтобы быть достойным своего друга. Она пробуждает чувство единства и взаимной помощи в любую минуту, она знает, как выдержать расставания и страдания, болезни и нужду.

Мы называем ее философской, потому что полагаем, что только разделяя общие идеи, жизненные цели, дух служения и стремления к совершенству можно создать такую дружбу, которая не станет цветком-однодневкой или мимолетной летней грозой.

Толерантность

Толерантность необходима в отношениях между всеми людьми; она поднимается над поверхностными различиями и опирается на основные, глубинные качества человека, который остается одним и тем же на всех широтах, под любой телесной оболочкой и в самых разнообразных формах бытия.

Сосуществование начинается с самого себя

Не всегда легко отделить то, чего хочет тело, от того, что требуют эмоции или просит наш разум, тем более что эти требования и просьбы

не всегда ясные и не всегда постоянные.

Безусловно, необходимо согласие между этими факторами, образующими нашу личность. Эта формула предварительного сосуществования позволит нам потом развивать столь важное сосуществование с другими.

Внести мир в самого себя

Залог нашего внутреннего мира – в том, чтобы ослабить свои недостатки силой собственных достоинств, сократить свои негативные аспекты и оставить место аспектам позитивным, но пока скрытым.

Это мир с самим собой и с другими.

Это мир, рождающийся из сосуществования, из согласия.

Это те спокойные победы, которые мы можем одерживать каждый день, не причиняя боли ни себе, ни другим...

Делиться тем, что открыл в себе и мире

Сосуществование невозможно, когда недостает благородства и щедрости любви и когда преобладает всепоглощающее чувство собственной уникальности и неповторимости.

Чтобы сосуществовать, надо расширять сознание и вмещать в него всех живых существ, понимать жизнь во всех ее проявлениях и воспринимать бесконечность вселенной. Нужно узнавать и ценить все существующее... И иметь мужество делиться тем, что открыл, со всеми, кто рядом.

Никто не сможет достичь самореализации, не ценя реализацию других.

Далай-Лама

ВСЕОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

(глава из книги «Этика для нового тысячелетия»)

Я верю в то, что каждый наш поступок обладает универсальной значимостью. Поэтому этическая дисциплина, нравственное поведение и внимательный анализ являются решающими компонентами для осмысленной, счастливой жизни. Но давайте рассмотрим это суждение в более широком контексте общества в целом.

В прошлом семья и маленькие общины могли существовать более или менее независимо друг от друга. Если они интересовались благополучием соседей, прекрасно. Но они вполне могли прожить и без этого. Теперь дела обстоят иначе. Сегодня реальность настолько сложна и, по крайней мере на материальном уровне, так взаимосвязана во всех своих частях, что возникла необходимость в другом подходе. Это хорошо видно на примере современной экономики. Крах фондовой биржи на одной стороне планеты может прямо повлиять на экономику стран, находящихся на противоположной ее стороне. Так же обстоит дело с технологическими достижениями; они нынче таковы, что наша деятельность оказывает весьма недвусмысленное влияние на естественную окружающую среду. А рост населения означает, что мы не можем больше позволить себе не обращать внимания на чужие интересы. И в самом деле, мы видим, что часто наши собственные интересы настолько пересекаются с чужими, что преследование собственной выгоды приносит пользу другим, даже если это и не входило в наши намерения. Например, если две семьи пользуются одним источником воды, следя за его чистотой, – это полезно для них обеих.

В связи с этим я убежден, что для нас очень важно воспитывать в себе чувство, которое я называю всеобщей ответственностью. Это не является точным переводом тибетского термина, который я имею в виду, – *chi sem*, который буквально означает универсальное (*sem*) сознание (*sem*). Хотя понятие ответственности скорее подразумевается, чем присутствует в этом термине явно, оно всё же определенно включается в него. Когда я говорю, что на основе заботы о благополучии других мы можем и должны развивать в себе чувство всеобщей ответственности, я, тем не менее, не полагаю, что каждый лично прямо отвечает, например, за войны и голод в разных частях мира. Но мы в буддийской практике постоянно напоминаем себе о нашей обязанности служить всем суще-

ствам во всех мирах. Точно так же теисты осознают, что преданность Богу влечет за собой заботу обо всех его созданиях. Но ясно, что некие вещи, вроде нищеты конкретной деревни в десяти тысячах миль от нас, совершенно за пределами возможностей отдельного человека. Поэтому отсюда не следует, что мы должны ощущать вину за это, – но, опять-таки, должны в очередной раз перестроить свои сердце и ум, направив их на других, а не на себя. Развивать чувство всеобщей ответственности – в общем значении каждого нашего поступка, с учетом равных прав всех других на счастье и отсутствие страдания – значит развивать такое состояние ума, чтобы в том случае, когда мы видим возможность принести кому-то пользу, мы бы отдавали ей предпочтение перед собственными узкими интересами. Но, конечно, хотя нас волнует и то, что вне наших возможностей, мы принимаем это как естественную часть бытия и стараемся сделать то, что можем.

Немалая выгода от развития такого чувства всеобщей ответственности состоит в том, что оно помогает нам стать восприимчивыми ко всем другим, а не только к нашим ближним. Мы начинаем понимать необходимость заботы о тех членах человеческой семьи, которые страдают больше других. Мы осознаем, что необходимо избегать создания поводов для раздора между такими же, как мы, людьми. И мы начинаем понимать чрезвычайную важность удовлетворенности.

Когда мы пренебрегаем чужим благополучием и игнорируем всеобщую значимость своих поступков, мы с неизбежностью начнем отделять собственные интересы от интересов других людей. Мы перестанем замечать единство человеческой семьи. Конечно, легко указать множество факторов, которые свидетельствуют против этого понятия единства. Сюда входят различие религий, языков, обычаев, культур и так далее. Но, когда мы обращаем слишком много внимания на внешние различия и на их основе начинаем пусть даже небольшую, но отчетливую дискриминацию, – мы уже не сможем избежать того, чтобы принести дополнительные страдания и самим себе, и другим. В этом нет никакого смысла. Мы, люди, и без того имеем достаточно проблем. Всех нас ждут смерть, старость и болезни, – не говоря уж об обманутых надеждах. От всего этого просто не уйти. Так разве этого мало? Зачем же создавать дополнительные сложности лишь из-за того, что люди по-разному думают или имеют разный цвет кожи?

Рассматривая таким образом реальность, мы видим, что и этика, и простая необходимость требуют от нас одного и того же. Чтобы прео-

долеть в себе склонность пренебрегать чужими нуждами и правами, мы должны постоянно напоминать себе о том, что очевидно: в главном мы все одинаковы. Я родом из Тибета; большинством читателей этой книги будут не тибетцы. Если бы я встретился лично с каждым из читателей и посмотрел на него, я увидел бы, что по большей части они внешне сильно отличаются от меня. И если бы я сосредоточился на этих различиях, я наверняка мог бы начать преувеличивать их и придавать им какое-то особое значение. Но в результате это привело бы к отдалению от людей, а не к сближению с ними. Если бы, с другой стороны, я увидел в каждом близкого себе – то есть человеческое существо с одним носом, двумя глазами и так далее, не принимая во внимание фигуру и цвет, – тогда бы чувство расстояния автоматически исчезло. Я бы увидел, что у нас одинаковые человеческие тела и что, более того, точно так же, как я сам, эти люди хотят быть счастливы и избежать страданий. На основе такого понимания я бы совершенно естественным образом почувствовал расположение к ним. И забота об их благополучии возникла бы почти сама собой.

Хотя, как мне кажется, большинство людей с охотой соглашаются с необходимостью единства внутри своего окружения и соответственно с необходимостью учитывать благополучие других внутри этого окружения, всё же они склонны пренебрегать остальным человечеством. Поступая так, мы игнорируем не только взаимозависимую природу реальности, но и реальность нашей собственной ситуации. Если бы для одной группы, или одной расы, или одной нации было возможно добиться полного довольства и исполнения всех желаний благодаря сохранению полной независимости и экономической самостоятельности в собственном ограниченном кругу, тогда, возможно, дискриминация по отношению к чужакам была бы, по крайней мере, объяснима. Но ведь так уже не бывает. Современный мир таков, что интересы отдельной общины не могут уже рассматриваться лишь в ее собственных границах.

Таким образом, возвращение удовлетворенности является решающим для мирного сосуществования. Из неудовлетворенности рождается жажда наживы, которая ненасытна. Действительно, если то, что ищет человек, по своей природе безмерно, как, например, терпимость, то вопрос об удовлетворенности просто не возникает. Чем более мы усиливаем свою способность быть терпимыми, тем более терпимыми мы становимся. В отношении духовных качеств удовлетворенность не является ни необходимой, ни желательной. Но если мы ищем чего-то конечного,

то возникает опасность того, что, достигнув желаемого, мы всё равно не будем довольны. В том случае, если человек хочет богатства, то вполне возможно, что, даже подчинив себе экономику целой страны, он начнет думать о подчинении и других стран. Желание того, что имеет пределы, никогда не может быть насыщено. С другой стороны, если мы взращиваем внутреннюю удовлетворенность, мы никогда не разочаруемся.

Недостаток удовлетворенности – который непременно перерастает в алчность – сеет семена зависти и агрессивное стремление вырваться вперед, ведет к развитию чрезмерного материализма. Отрицательная атмосфера, создаваемая им, становится фоном для всех видов социальных болезней, приносящих страдание каждому из членов такого общества. И даже если бы алчность и зависть не имели побочных эффектов, все же сомнительно, чтобы этот вопрос касался только данного общества, и никого больше. Такого, опять-таки, просто не бывает. В частности, недостаток удовлетворенности угрожает нашей естественной среде обитания и поэтому приносит вред многим. Кому именно? В первую очередь бедным и слабым. Внутри одного и того же общества, например, богатые могут переехать, чтобы избежать сильно загрязненной окружающей среды, а у бедных такой возможности нет.

Точно так же народы наиболее бедных стран, не имеющих достаточных средств, страдают и от напора богатых стран, и от загрязнения среды своими собственными примитивными технологиями. Пострадают и будущие поколения. А постепенно и всем нам придется страдать. Почему? Потому что нам придется жить в том самом мире, который мы сейчас помогаем строить. И если мы решим ни в чем не менять свой образ действий и не станем уважать равное право других на счастье и отсутствие страдания, то очень скоро ощутим негативные последствия этого. Представьте, например, выхлопные газы ещё двух миллиардов автомобилей. Это повлияет на всех нас. Поэтому удовлетворенность – вопрос не только этический. Если мы не хотим увеличивать уже имеющиеся у нас страдания, то удовлетворенность становится вопросом необходимости.

Это одно из оснований моего мнения, что культура постоянно развивающейся экономики должна быть подвергнута сомнению. На мой взгляд, она способствует росту неудовлетворённости, а с ним приходит и множество проблем, как социальных, так и экологических. Совершенно очевидно также, что, так пылко посвящая себя материальному прогрессу, мы пренебрегаем тем сложным влиянием, которое этот прогресс

оказывает на общество в широком смысле. Здесь дело даже не в разрыве между первым и третьим мирами, Севером и Югом, между развитостью и неразвитостью, богатством и бедностью, моральностью и отсутствием таковой. Все это есть, да. Но в определенном смысле куда больше значения имеет тот факт, что подобное неравенство само по себе – источник тревог для каждого. Если бы, например, Европа была целым миром, а не местом, где живет менее десяти процентов населения планеты, то преобладающая идеология бесконечного материального роста могла бы быть оправдана. Но мир больше, чем Европа. И в других местах есть люди, умирающие от голода. Такой глубокий дисбаланс неизбежно приводит к отрицательным последствиям для всех, пусть даже не одинаково прямым: богатые в своей повседневной жизни тоже ощущают симптомы бедности. Подумайте в этом контексте о следящих видеокамерах и железных решетках на наших окнах, – вряд ли они способствуют нашему чувству безмятежности.

Всеобщая ответственность также ведёт нас к приверженности принципу честности. Что я подразумеваю под этим? Мы можем думать о честности и нечестности в связи со взаимоотношением между видимостью и реальностью. Иногда они совпадают, часто – нет. Когда они совпадают, я понимаю это как честность. Мы честны, когда наши поступки именно таковы, какими выглядят. Когда же мы претендуем быть не тем, чем действительно являемся, в других возникает подозрение, рождающее страх. А страх – это нечто такое, чего все мы стремимся избежать. И наоборот, когда наши отношения с соседями открыты и искренни – во всем, что мы говорим, думаем и делаем, – людям незачем нас бояться. Это верно как в отношении отдельного человека, так и в отношении сообществ. Более того, когда мы понимаем ценность честности во всем, чем мы занимаемся, мы осознаем, что нет подлинной разницы между потребностями человека и потребностями всего общества. Разнообразится их количество, но не стоит обманываться относительно их содержания, оно всегда одинаково. Поэтому, если мы обязуемся быть честными, мы помогаем снизить уровень непонимания, сомнения и страха во всем обществе. Идя таким скромным, но значительным путем, мы создаем условия для счастья в мире.

Вопрос о справедливости также тесно связан и со всеобщей ответственностью, и с честностью. Справедливость влечет за собой требование действовать, когда мы видим несправедливость. Да, невыполнение этого требования – плохо, хотя и не свидетельствует о том, что мы

плохи по сути. Но, если мы колеблемся и молчим из-за собственной эгоцентричности, это уже проблема. Если при виде несправедливости мы спрашиваем себя: «А что будет со мной, если я выскажусь? Вдруг ко мне станут плохо относиться?», – это может быть незачинным, потому что мы пренебрегаем более широкими следствиями собственного молчания. Также это неприемлемо и бесполезно с точки зрения равного права всех на счастье и отсутствие страдания. Это верно даже тогда (а возможно, в особенности в таком случае), когда, например, правительство или некие учреждения заявляют: «Это наше дело», или: «Это наше внутреннее дело». При таких обстоятельствах наше высказывание становится не просто обязанностью; важнее, что оно послужит на пользу другим.

Разумеется, можно возразить, что подобная честность не всегда возможна, что мы должны быть «реалистами». Обстоятельства могут помешать нам всегда действовать в соответствии с нашей ответственностью. Ведь если мы выступим в качестве свидетеля несправедливости, то может, например, пострадать наша семья. Но, хотя нам и приходится иметь дело с реальностью повседневной жизни, очень важно не терять более широкую перспективу. Мы должны оценивать собственные нужды во взаимосвязи с потребностями других людей и рассматривать, как наше действие и бездействие могут повлиять на них в будущем. Трудно порицать тех, кто боится за своих любимых. Но иногда бывает необходимо рискнуть ради пользы большего числа людей.

Чувство ответственности по отношению ко всем другим означает также то, что мы, и как личности, и как члены состоящего из личностей общества, обязаны заботиться о каждом члене общества. И это совершенно не зависит от физических данных или умственных способностей других людей. Точно так же, как мы сами, всякие люди имеют право быть счастливыми и не страдать. Поэтому мы любой ценой должны избегать стремления оттолкнуть тех, кто скорбен умом, – словно они для нас невыносимая ноша. То же касается тех, кто физически тяжело болен, или стал изгоем. Отталкивать их – значит все умножать и умножать страдания. Ведь если мы сами окажемся в подобном состоянии, мы будем искать помощи у других. Поэтому нам необходимо обеспечить, чтобы больные и умственно неполноценные люди никогда не чувствовали себя беспомощными, отвергнутыми или беззащитными. На мой взгляд, та теплота, которую мы проявляем к подобным людям, является мерой нашего духовного здоровья, и на уровне личности, и на уровне обще-

ства.

Возможно, говоря о всеобщей ответственности, я выгляжу безнадежным идеалистом. Тем не менее, это та самая мысль, которую я постоянно высказываю публично, начиная с первой моей поездки на Запад в 1973 году. В те дни многие люди скептически относились к подобным взглядам. Точно так же не всегда было легко заинтересовать людей концепцией всеобщего мира. И меня очень ободряет то, что в настоящее время растет количество людей, более благосклонно откликающихся на такие идеи.

Я чувствую, что в результате множества тяжелых испытаний, через которые человечество прошло в течение двадцатого века, мы стали более зрелыми. В пятидесятых и шестидесятых годах, а в некоторых частях земного шара и совсем недавно, многие воображали, что острые конфликты следует разрешать методами войны. Сегодня такой образ мыслей сохранился лишь в меньшинстве голов. И если в начале этого века немало людей полагало, что развивать общество следует методами строгой регламентации жизни, крах фашизма и последовавшее за ним падение так называемого «железного занавеса» показали, что это было безнадежное предприятие. История дала урок, из которого следует, что порядок, навязанный силой, долго продержаться не может. Более того, единодушное мнение (которого придерживаются и некоторые буддисты), что наука и духовность несовместимы, тоже пошатнулось. Сегодня, когда научное понимание природы реальности углубляется, это положение меняется. Поэтому люди начали проявлять больше интереса к тому, что я назвал нашим внутренним миром. Под этими словами я подразумеваю деятельность и функции сознания, или духа: наши сердце и ум. Во всем мире растет также понимание значимости окружающей среды, и все более осознается то, что ни люди по отдельности, ни даже целые нации не в состоянии решить свои проблемы в одиночку, что все мы нуждаемся друг в друге. Мне все это кажется весьма обнадеживающим ходом развития, имеющим далеко идущие последствия. Меня радует также и то, что, вне зависимости от того, насколько реализуются новые идеи, они, по крайней мере, сделали ясным то, что нам необходимо искать ненасильственные пути разрешения конфликтов в духе сближения. В наши дни также, как мы уже отмечали, растет понимание всеобщности прав человека, и все более понимается необходимость признать возможность многообразия в таких важных для всех областях, как, например, религия. В этом, я полагаю, отражается осознание

необходимости более широких взглядов как отражения многообразия внутри самой человеческой семьи. А в результате, несмотря на то, что люди и народы продолжают страдать во имя идеологии, или религии, или прогресса, или развития, или экономики, – у угнетенных возникает новое чувство надежды. Хотя, без сомнения, нам будет трудно прийти к подлинному миру и гармонии, все же ясно, что это возможно. Нам есть к чему стремиться. А основа будущего – чувство ответственности каждого человека за всех остальных.

«Взгляд желания нечист, он все видит в искаженном свете. Только когда мы ничего не желаем, только когда наше вглядывание становится чистым созерцанием, раскрывается душа вещей, раскрывается красота. Когда я осматриваю лес, который хочу купить, взять в аренду, вырубить, обременить закладной, в котором собираюсь охотиться, то вижу не сам лес, а только его отношение к моим желаниям, планам и заботам, к моему кошельку. Тогда он состоит из деревьев, молод ли он или стар, здоров или болен. Если же я не связываю с ним никаких желаний, а просто «бездумно» погружаю взгляд в его зеленую глубину, тогда лишь он становится лесом, природой, растительностью, тогда лишь он прекрасен.

Точно так же обстоит дело с людьми и их историями. Человек, на которого я смотрю со страхом, с надеждой, с вожделием, с намерениями или претензиями, не человек, а только тусклое отражение моего желания. Разглядывая его, я сознательно или неосознанно задаю себе сплошь сужающие, извращающие существо дела вопросы: доступен он или заносчив? Уважает ли он меня? Можно ли у него взять в долг? Разбирается ли он в искусстве? Тысяча подобных вопросов возникает, когда мы смотрим на человека, к которому у нас дело, и считаемся знатоками людей и психологии, если нам удастся уловить в его внешности и поведении то, что соответствует нашим намерениям или противоречит им. Но это убогая точка зрения, в такого рода психологии крестьянин, торговец вразнос или подпольный адвокат превосходит большинство политиков и ученых.

В тот момент, когда желание унимается и настает черед созерцания, чистого лицезрения и самоотверженности, все становится другим. Человек перестает быть полезным или опасным, заинтересованным или скучным, добродушным или жестоким, сильным или слабым. Он становится природой, становится прекрасным и необычным, как всякий предмет, на который направлено чистое созерцание. Ибо созерцание не исследование и не критика, а только любовь. Оно – наивысшее и самое желанное состояние нашей души: любовь без желания.

Когда мы достигаем этого состояния, будь то на минуту, часы или дни (сохранить его навсегда было бы совершенным блаженством), тогда люди выглядят не так, как обычно. Они уже не зеркальные или искаженные отражения нашего желания, они снова обретают свою естествен-

ность. Прекрасное и уродливое, старость и юность, добро и зло, открытость и замкнутость, твердость и мягкость уже не противоположности, уже не мера оценки. Все прекрасны, все необычны, никто больше не становится объектом презрения, ненависти, непонимания.

И как с точки зрения чистого созерцания вся природа есть изменчивая форма проявления вечно творящей, бессмертной жизни, так и особая роль и задача человека заключается в том, чтобы иметь душу. Бессмысленно спорить, свойственна ли «душа» только человеку, или же она живет также в животном, в растении! Конечно же, душа есть повсюду, она повсюду возможна, повсюду подготовлена, повсюду предвосхищается и желанна. Как носителем и выразителем движения для нас является не камень, а животное (хотя и в камне есть движение, жизнь, рост, распад, колебания), так и душу мы ищем прежде всего в человеке. Мы ищем ее там, где она очевиднее всего, где она страдает и действует. И человек представляется нам уголком мира, особой провинцией, актуальной задачей, суть которой в том, чтобы совершенствовать душу, — как когда-то задачей человека было встать на ноги, сбросить с себя волосяной покров, изобрести орудия труда, добыть огонь.

Следовательно, мир человека для нас — это мир обитания души. Как в горе и в скале я вижу и люблю исполинские силы тяжести, а в животном — подвижность и стремление к свободе, так и в человеке (в котором все это тоже есть) я вижу, прежде всего, ту форму и возможность выражения жизни, которую мы называем «душой» и которая нам, людям, представляется не одним из тысяч излучений жизни, а излучением особенным, избранным, высоко развитым, конечной целью. Ибо все равно, считаем ли мы себя материалистами, идеалистами или еще кем-нибудь, мыслим ли мы «душу» как нечто божественное или же как сгорающую материю, — все мы, тем не менее, знаем и ценим ее; для каждого из нас одухотворенный человеческий взгляд, искусство, форма душевной организации есть наивысшая, самая последняя и самая ценная ступень и волна всякой органической жизни.

Таким образом, человек становится для нас самым благородным, самым возвышенным и самым ценным объектом созерцания. Не всякий способен естественно и свободно разделять эту самоочевидную оценку — я знаю это по собственному опыту. В молодые годы я поддерживал с ландшафтами и произведениями искусства более тесные и более душевные отношения, нежели с людьми, более того. Я годами мечтал написать такое произведение, в котором были бы только воздух, земля, вода,

деревья, горы и животные, но не было бы людей. Я видел, что человек настолько отклонился от траектории души, до такой степени оказался во власти желаний, так жадно и необузданно устремился к животным, обезьяньим, первобытным целям, оказался таким падким на всякую мишуру, что мной на некоторое время овладело недоброе заблуждение, будто человек – как путь к душе – уже развращен и движется вспять, будто этот источник должен найти себе выход из природы где-нибудь в другом месте.

Вслед за этим приходят мысли: разве не живем мы в эпоху, когда громко заявляет о себе новое, когда разрушаются связи между людьми, когда в чудовищных масштабах творится насилие, когда свирепствует смерть, когда вопиет отчаяние? Разве и за этими событиями не таится душа?

Спроси свою душу! Спроси ее, вобравшую в себя будущее, олицетворяющую любовь! Не спрашивай свой рассудок, не ищи ответа в мировой истории! Твоя душа не обвинит тебя в том, что ты слишком мало интересовался политикой, слишком мало трудился, ненавидел врагов и укреплял границы. Но, может быть, она пожалуется, что ты слишком часто пугался ее запросов и спасался от них бегством, что у тебя никогда не было времени заняться ею, твоим младшим и прекрасным чадом, поиграть с ней, вслушаться в ее песнь, что ты слишком часто продавал ее за деньги и предавал ради выгоды. Так ведут себя миллионы, и куда ни глянь, везде у людей нервные, измученные, злые лица, у них находится время только для самых что ни на есть бесполезных вещей, для биржи и для санатория, и это отвратительное состояние – всего лишь предостерегающая боль, сигнал крови. Когда ты пренебрегаешь мной, говорит тебе твоя душа, ты становишься нервным и враждебным жизни, таковым ты останешься и от этого погибнешь, если не повернешься ко мне с совершенно новой любовью и заботой. Болеют недугами времени и утрачивают способность к счастью ни в коем случае не слабые, не никчемные. Болеют скорее добрые, несущие в себе семена будущего, те, чья душа не находит удовлетворения, те, кто только из робости уходят от борьбы против ложного мироустройства и кто, быть может, уже завтра отнесутся к этому со всей серьезностью.

Тут ты вспоминаешь, как один профессор говорил тебе нечто подобное – что мир болен материализмом и интеллектуализмом. Он прав, но стать твоим целителем ему не дано, так же как и своим собственным. Интеллект будет говорить в нем и дальше, вплоть до самоуничтожения.

Профессор погибнет.

Каким бы ни был ход вещей в мире, целителя и соратника, будущее и новое начинание ты найдешь только в себе самом, в своей бедной, измученной, податливой, неуничтожимой душе. Ей чужды знания, оценки, программы. Ей свойственны только побуждение, только будущее, только чувство. Ей следовали великие святые и проповедники, герои и страстотерпцы, великие полководцы и завоеватели, великие волшебники и художники, все те, чей путь начинался в повседневности, а заканчивался в блаженных высях. У миллионеров другой путь, он заканчивается в санатории.

И муравьи ведут войны, и пчелы создают государства, и хомяки копят добро. Твоя душа ищет другие пути, и если ты принесешь ее в жертву, если добьешься успеха за ее счет, тебе не улыбнется счастье. Ибо ощущать «счастье» может только душа, а не рассудок, не брюхо, не голова или кошелек.

Но к чему долго размышлять и говорить об этом, ведь существует изречение, в котором все эти мысли давно додуманы до конца и выражены. Оно сформулировано в стародавние времена и относится к тем немногим мудрым высказываниям, которые не стареют, которые вечно новы: «Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?»

Содержание

Шри Рам

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА.....1

Хорхе Анхель Ливрага

КАПЕЛЬКУ ВЕЖЛИВОСТИ, ГОСПОДА!.....6

Делия Стейнберг Гусман

О СОСУЩЕСТВОВАНИИ.....9

Далай-Лама

ВСЕОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.....12

Герман Гессе

О ДУШЕ.....20

Философская школа «Новый Акрополь»

www.acropolis.org.ru

Журнал «Человек без границ»

www.bez-granic.ru

